УДК 323

Рогов И.И.

Империологическая дискуссия в социальной мысли постсоветской России: итоги двадцатилетнего развития

В статье рассматриваются наиболее значимые российские социально-политические концепты, посвященные теории империй. Автор анализирует более чем двадцатилетнюю дискуссию о предмете имперских систем и причинах их распада. Автор широко цитирует самые различные источники – от академических исследователей до современных публицистов. Теория империй рассматривается как с функциональной точки зрения, так и с государственно-правовой.

Ключевые слова: империя, государство, большое пространство, наблюдатель империй, универсализм, империофобия, социальная рефлексия, суперэтнос,

Распад Советского Союза послужил катализатором целого ряда новых дискуссий, предметом одной из которых является империя. Также распад СССР дал мощный толчок к осмыслению нашего имперского прошлого. В девяностые годы как в публицистике, так и в серьёзной научной литературе появилось множество исследований. Эти рефлексии преследовали зачастую разные цели и отличались диаметрально противоположными мнениями, и их количество свидетельствовало о болезненности имперской проблематики в российском обществе. Никакая другая эпоха в истории России не давала столь плодотворных исследований в теории империологии.

В последние годы существования советского государства отечественная социологическая школа в лице А.Ф.Филиппова осуществила попытку осознать империю как смысл и реальность развития большого и устойчивого политического пространства [1]. Формы функционирования макросоциального организма не сводятся к официально принятым формулировкам: всегда существует такая вещь, как идентификация людей с пространством, история отношений с ближними и давними соседями и межэтническая комплиментарность. Эти и другие смыслы наполняют пространство политического и социального взаимодействия и отличаются своим контекстом от имперской идеи. Если последняя иллюстрирует нам вектор внешней политики, место в спектре идеологий господствующей парадигмы и разделяемые социальные фобии, то подход Филиппова даёт возможность анализа империи прежде всего как социальной системы (структуры, организма), а лишь затем – в традиционном ракурсе геополитики.

Хотя сам А.Ф.Филиппов отмечает, что признаки имперских систем не имеют принципиального значения, перечислим, те, которые он выделяет:

1. Огромность замиренных пространств, на которые империя приносит покой и порядок.
2. Разноплеменность, при том, что один народ всегда выступает ее основой, а язык и вера этого народа суть имперские язык и вера.
3. Универсализм, то есть превращение множества важных различий (этнических, языковых, культурных) из абсолютных в относительные и именно поэтому допустимые, сохраняемые на протяжении веков.
4. Мессианство, то есть преобладающее воззрение на историю, в котором империи отведена особая, самая важная роль [2].

В своей статье, на годы ставшей классической в исследованиях имперской проблематики, А.Ф. Филиппов, используя работы классической социологии Парсонса, Зиммеля и Дюркгейма, анализирует, сколько в социальном действии пространственного контекста, а сколько временного, и предлагает рассматривать большое пространство как трансцендентальное, которое обладает «сополагаемым смыслом». В большом пространстве невозможно непосредственное созерцание удаленного тела; при этом понятие соприсутствия теряет важность, и автоматизм размещения уступает место *знанию* о территории, считает А.Ф. Филиппов.

Полагая профессионального социолога наблюдателем социального (в частности, империй), Филиппов задаёт вопрос, характерный для постмодернистского дискурса: «идентифицируем ли мы пространство потому, что в нем действуют данные люди, или мы идентифицируем людей потому, что они действуют в этом пространстве?». Данный вопрос является частным случаем высказываний, относящих нас к дилемме «дескриптивизм – антидескриптивизм», а сама эта дискуссия – выразившийся в философии языка давний спор между реалистами и номиналистами.

Полагая, что фиксированное наблюдателем пространство «*более-чем-фактично*», Филиппов обозначает «сополагаемый смысл» как «само собой разумеющееся знание о значимом пространстве», которое относится к имперским атрибутам как к вторичным элементам социальной коммуникации. Главное же в конструировании социального смысла, идентифицирующего империю как таковую в том, что она представляется внешнему наблюдателю (даже если в качестве такового выступает её собственный гражданин) как нечто обширное и значимое.

Большое пространство слишком велико, чтобы его можно было ухватить в созерцании одномоментно, пишет Филиппов. Чем больше пространство, тем сильнее тело уступает место смыслу. Смысл пространства всегда может оказаться аспектом внутреннего осознания времени, равно как и наоборот, однако большое пространство облегчает мысленное истончение, абстрагирование телесности, отчего «протяженность» и «длительность» получают очень близкие значения… Пространство как смысл пребывает непрерывно – время останавливается [1].

Тема онтологического бытия империи, поднимаемая в данной работе, находит в работах Филиппова значительное подспорье. «Империя живет, пока есть представление об имперской миссии» [3], – одно из центральных утверждений исследователя следует помнить каждому последовательному исследователю империй. Армия, сколь ни была бы сильна на определённой территории, имеет малое значение в деле создания атмосферы доверия к власти. В деле поддержания легитимности даже национального государства, тем более империи, военная, физическая сила имеет хотя и принципиальное, но всё же вторичное значение. В арсеналах и на вооружении Советского Союза состояло 63 тыс. танков – больше, чем у всех стран планеты, вместе взятых [4]. Но ни танковый меч, ни ракеты, ни ядерный флот не спасли страну от распада. А в наши дни и полтора десятка авианосцев Соединённых Штатов не защитят её от надвигающегося геополитического одиночества. Если население американской империи перестанет понимать, зачем поддерживать жизненные силы этого организма, то ни политические заявления, ни войска не защитят её от достаточно скоропостижной гибели.

В далеком 1991 г. отечественные интеллектуалы провели семинар-дискуссию, посвящённую распаду империй. Не все оценки и суждения прошли проверку временем, но некоторые представляют интерес и сегодня – два десятилетия спустя.

Участник того обсуждения, историк и культуролог, д.и.н. Г.С. Кнабе выделял тогда следующие основные черты империй:

1) возникновение в результате военного покорения и/или экономического или политического подчинения одним народом других;

2) включение покорённых (подчинённых) народов и территорий в государственную структуру, единую с народом, вокруг которого и под чьей эгидой эта структура образуется;

3) иерархичный принцип организации возникшей таким образом структуры – дифференциация её населения с точки зрения права, гражданства, доступа к военной добыче, льготам и преимуществам, направленная на достижение основной цели всякой империи – извлечение выгод для народа, её создавшего, за счёт народов в неё включённых;

4) высокая роли армии, вообще военного элемента, с одной стороны, обусловленная необходимостью обеспечить осуществление обозначенной выше основной цели империи, а с другой – создающая особую эстетику, особый идеологический имидж имперской государственности;

5) этническая, национальная, историческая разнородность составных частей империи в сочетании с иерархическим принципом и с эстетизацией военного господства обычно вызывает обострение национальных чувств, а в тенденции – придание им агрессивного или виндикативного характера, развитие комплексов национальной неполноценности или, напротив того, национального величия и исключительности;

6) тяготение империи к личной власти, завершение иерархии, образующей пирамиду с венчающим ее Правителем, который воплощает в их взаимодействии военную власть и сакрально-идеологическую санкцию иерархического, но так же и правового бытия империи [5, с. 75].

Во всех шести признаках мы видим тенденцию к переоценке значения военной власти, принуждения, колонизации этносов и территорий, то есть все качества, приписываемые империям в периоды их слабости и распада. Однако с этих рассуждений началась современная широкая отечественная имперологическая дискуссия, и уже потому они заслуживают быть отмеченными. В 1991 г. нельзя было не говорить о доминировании империообразующего этноса, который, якобы, получает абсолютные выгоды от властной организации территорий. Однако, несмотря на всю популярную тогда интеллектуальную империофобию, Г.С. Кнабе указывает, что империя выступает как субстанциональная историческая форма, устойчивая, обладающая положительным же историческим содержанием.

Для первых шагов отечественной имперологии характерно было обсуждение противоречия между центром и провинциями, которое сводилось к условной фразе: империя изживает себя, когда провинции догоняют центр [5, с.72]. Отсюда и выдвинутое Г.С. Кнабе радикальное противоречие имперской организации. Основная цель империи состоит в эксплуатации провинций в интересах главенствующего народа, а реализация этой цели и ведёт к выравниванию экономических показателей и, следовательно, к кризису.

Несложно увидеть, что за этим рассуждением кроется переосмысление судьбы Советского Союза. В последнем, однако, провинции – Закавказье, Прибалтика, Средняя Азия, не только догнали, но по уровню жизни намного перегнали РСФСР. Сегодня, двадцать лет спустя, становится очевидно, что именно отсталость и бесправность центрального, империообразующего народа послужили толчком к массовым недовольствам и распаду государства, но тогда, в преддверии лихих девяностых, современникам свойственно было ошибаться.

Заметным явлением в имперологии явились работы С.И. Каспэ «Империя и модернизация: общая модель и российская специфика», «Центры и иерархии: пространственные метаморфозы власти и западная политическая форма» а также цикл его статей в журнале «Полис». Позже мы ещё вернёмся к этому автору, пока же рассмотрим только его определение и признаки. С.И. Каспэ, применяя методы аналитической философии, делает важное замечание, что дефиниции империи могут быть синдромными и генетическими [6, с. 34]. Синдромные – суть перечисляющие признаки (атрибуты), а генетические – перечисляющие каузальные связи и функциональные механизмы. Читатель должен знать, что в данной работе до сих пор использовались только синдромные определения: мы выявляли более или менее важные признаки. Мониторинг синдромных определений – важный этап, обеспечи-

вающий построение целостной картины империологии. Генезис же возможен только после достаточного приращения наших знаний о данном предмете.

С.И. Каспэ рассматривает империю как «форму разрешения конфликтных напряжений, возникающих при столкновении (в конкретном геополитическом пространстве) универсалистских ориентаций с изначально дисгармоничным разнообразием этнических культур» [6, с. 78]. Это определение для него рабочее, синдромное. Развиваясь в целом в рамках этногеополитической модели (использование термина «экспансия» и рассуждения об ассимиляции) вкупе со школой политического реализма, работы С.И. Каспэ предстают живой классикой политологического жанра; тем максимальным пределом анализа, на который способна современная социальная наука. Тот, кому понадобится специфически-политологическая оценка империи, может смело обращаться к работам данного автора. С.И. Каспэ находится в рамках господствующей парадигмы [7]. Во-первых, он рассматривает экспансию как определяющий признак имперских систем. Думаю, что без этого атрибута этот автор откажется считать империю самое собой. Во-вторых, сакральность (или «мистический ореол власти»), подчинены экспансии. Оба утверждения абсолютно верифицируемы в современной политической философии, которая в данном вопросе отражает и коллективное сознание, но существовали ли такие связи исторически – большой вопрос. Когда, как видели мы выше, имперская власть расстаётся с ореолом сакральности, то следствием этого трагического разрыва является на гносеологическом, эвристическом уровне, перенос интереса на экспансию как на наиболее заметное проявление имперского бытия. Поэтому неудивительно, что в рамках современного политологического дискурса исследователь рассматривает экспансию как образующее, а прочие – как подчинённые начала.

Переходя к генетическому определению, С.И. Каспэ называет такие функции империи:

1) поддерживать устойчивый рост объёма и доступности ресурсов;

2) подтверждать универсалистские притязания;

3) способствовать интеграции гетерогенного в этнокультурном отношении имперского пространства в единый социально-политический организм;

4) обеспечивать эффективное взаимодействие центральной и периферийной элит» [6, с. 44].

Хотя развитие к генетическим определениям выглядит симпатично, следует отдавать себе отчёт, генетические определения – суть функциональные. Но оценка функций и ролей не спасёт нас от субъективизма. Если российский автор, положим, утверждает, что функция Российской империи была цивилизаторской – в просвещении народов Сибири и Средней Азии, то Бжезинский скажет, что она сводилась к порабощению. И дискуссия успешно вернётся на идеологизированный субъективно-оценочный уровень, преодолеть который невозможно даже в оценке древней истории.

Профессор МГИМО, доктор политических наук Д.М. Фельдман использует понятие «имперский тип политической организации общества» [8, с. 56], который предполагает «обширную территориальную основу; сильную централизованную власть; стремящиеся к экспансии элиты; асимметричные отношения господства и подчинения между центром и периферией; разнородный этнический, культурный и национальный состав; наличие общего политического проекта, стоящего как бы над интересами конкретных групп» [8, с. 56]. Данное определение находится в целом в русле классического понимания.

Известный отечественный историк, политолог-международник директор Центра международных исследований Института США и Канады РАН А. Уткин определяет империю как форму правления «когда главенствующая страна определяет внешнюю и, частично, внутреннюю политику всех других стран» [9, с. 11]. Помимо этой краткой формулировки, он не даёт каких-либо комментариев содержанию используемого понятия. Но очевидность употребления империи Уткиным не есть свидетельство поверхностностной оценки. Мы вольны исследовать понятие в его связи с реальностью, а вольны исследовать сложившееся

положение дел и социальные факты, полагая, что смысловые колебания содержания термина находятся в примерно известных границах. И когда предметом исследователя выступает множество субъектов политического истеблишмента, то такая схема анализа вполне адекватна и для своих целей, и для выяснения содержания империи как таковой.

Иллюстрацией подобных соображений могут служить слова самого Уткина. «Теоретики могут выступать *за* или *против* империи, но все они уже свободно пользуются этим термином – от политического правого фланга до левого, от Майкла Игнатьева и Пола Кеннеди до Макса Бута и Тома Доннели. Именно это и наиболее примечательно: все участники дебатов *знают,* о чем идет речь» [9, с.13].

Публицист и социолог С.Б.Переслегин, рассматривающий империи как основных игроков на мировой арене, выделяет следующие признаки:

1. Осознанная и отрефлектированная ассоциированность с одной из самостоятельных геополитических структур («Америка для американцев»).
2. На ее территории существует один или несколько этносов, соотносящих себя с данным государством.
3. Хотя бы одним из этих этносов проявлена пассионарность (идентичность) в форме господствующей идеологии.
4. У государства наличествует определенное место в мировой системе разделения труда.
5. Государство смогло сформировать собственную уникальную цивилизационную миссию, иными словами, оно способно ответить на вопрос, зачем оно существует [10, с. 690].

Поскольку указанными чертами обладают в разной степени и Россия, и Америка, и Китай, и Европейский Союз, и даже Япония, то С. Переслегину ничего не остаётся, как поставить всех перечисленных игроков на одну доску. Хотя такая трактовка несколько непоследовательна, она характерна для публицистической мысли.

Олицетворение имперского сознания в философии современного евразийства выразилось в трудах А. Дугина. Имперское сознание выражено в его концепте необычайно сильно и в специфически-глубинном контексте эсхатологического архетипа. Империя как понятие олицетворяется у Дугина с глубинными архетипами Бегемота и Левиафана, заимствованными им у Карла Шмидта, и – ими обоими из Святого Писания. Бегемот предстаёт воплощением махины континентальной Суши, а Левиафан – эссенцией безбрежного Моря, титана Океана.

Бегемот противопоставлен Левиафану и постоянно борется с ним.

Противопоставление «Номос Суши» – «Номос Моря» проявляется, согласно Дугину, на всех уровнях социального. От самой наглядной, показательной формы – понятия политического «мы-они», до предельного состояния борьбы Христа и сатаны.

«Империя представляет собой такое политико-территориальное устройство, которое сочетает жесткий стратегический централизм (единую вертикаль власти, централизованную модель управления вооруженными силами, наличие общего для всех гражданского правового кодекса, единую систему сбора налогов, единую систему коммуникаций и т.д.) с широкой автономией региональных социально-политических образований, входящих в ее состав (наличие элементов этно-конфессионального права на локальном уровне, многонациональный состав, широко развитую систему местного самоуправления, возможность сосуществования различных локальных моделей власти — от племенной демократии до централизованных княжеств или даже королевств» [11].

Империя, таким образом, есть политическая форма цивилизации Суши или цивилизации Моря. Не локальных цивилизаций-культур Шпенглера или Тойнби, но форм сакральной географии.

Так, мистическая сущность Евразийской империи выражена у Дугина словами «Евразия – это и есть лежбище Бегемота» [12, с. 151]. Соответственно, та империя, которая регу-

лярно вырастает на евразийской территории, находится в священном альянсе с духом Бегемота. Здесь, правда, остаётся открытым вопрос о местопребывании Левиафана, и важно не просто предполагать, но точно знать обиталище этого чудовища. Остаётся сожалеть, что Дугин об этом прямо не пишет, поскольку, несмотря на все наши интуитивные и очевидные предположения, проблема такова, что должно быть проговорено, что конкретно есть Левиафан.

Дугин продолжает развитие дефиниции: «Империя всегда претендует на вселенский масштаб, осознавая свое политическое устройство как ядро или синоним мировой империи. «Все дороги ведут в Рим». Все империи мыслят себя как мировые империи. Империя наделена миссией. Она воспринимается как политическое воплощение исторической судьбы человечества. Миссия может осознаваться в религиозных (Византия, Австро-Венгрия, исламский халифат, Московское царство), гражданских (Древний Рим, империя Чингисхана), цивилизационных (Китайская империя, Иранская империя) или идеологических (коммунистическая империя СССР, либеральная империя США) формах проявления». [12, с. 178]

Можно придраться к частностям такого определения, но смыслы выражены в нём верно. Империя наделена миссией. В трёх этих словах скрывается то, что отделяет дурную бесконечность большого пространства национального государства от великой миссии имперской организации. А.Дугин понимает империю как универсальный способ организации пространства и в этом смысле рассматривается нами как один из референтных авторов.

Известный в прошлом депутат, а ныне ректор Российского государственного торгово-экономического университета, доктор юридических наук Бабурин С.А. определяет империю как «государственно-территориальную форму цивилизации» [13]. Такой подход характерен для современной отечественной патриотической мысли, последовательно связывающей империю, суперэтнос и цивилизацию. Он прежде всего основывается на анализе отечественной истории. Однако, как известно, «что русскому хорошо, то немцу смерть», и в процессе построения империологической концепции мы должны рассматривать такое понимание как характерное в большей степени континентальным империям.

С.А. Бабурин в перечне основных признаков называет

1) размеры территории;
2) федеративную, а иногда и конфедеративную структуру;
3) единое вероисповедание, ведущее к «торжеству нравственного идеала»;
4) централизованную систему органов государственной власти;
5) сохранение полиэтнического разнообразия;
6) единую законодательную систему [14, с.142].

Данная классификация, сохраняя в целом традиции отечественной дискуссии, отходит от чрезмерного внимания к централизованно-тираническому политическому режиму и уделяет большее внимание административной системе управления.

Классификация империй по Бабурину включает в себя такие пункты [15].

Во-первых, по стадии (фазе) развития Империи делятся следующим образом:

1. Формирующаяся Империя – группа государств с обозначившимся центром объединения, способным стать стержнем возникновения самостоятельной Цивилизации со всеми ее чертами. К таким еще структурирующимся или расширяющимся Империям в XXI веке может быть отнесено сообщество латиноамериканских государств, группирующихся вокруг оси Венесуэла–Куба–Бразилия. Объединение экономики, духовных приоритетов и социальных идеалов способно в этом случае привести к рождению Латиноамериканской Империи. Другой пример – Европейский союз.

2. Состоявшаяся Империя. По форме это сложившееся стабильное государство (Индия, Китай, США, Япония).

3. Угасающая (сворачивающаяся) – это Империя, меняющая не только свою форму, но и содержание. Это те же Германия и Франция, утрачивающие ряд своих национальных цивилизационных черт в связи с восторжествовавшей новой моделью построения общеев-

ропейской империи. Однако потенциал старой государственной формы еще способен на уровне общественных и государственных отношений противиться созданию и укреплению новой цивилизационной формы.

4. «Рассыпанная» Империя – это группа государств, восходящих к общей цивилизации близостью культуры, образа жизни, социально-экономических и политико-правовых механизмов, но утративших внутренний потенциал общности. На такие государства в начале XXI века разъединены Российская, Арабская и Африканская цивилизации. Форму империй они могут и не обрести.

Во-вторых, по внутренней государственно-территориальной структуре Империи могут быть представлены национальным государством (Китай, Иран, Япония), союзным государством (США) и конституционной федерацией (Индия).

При своем возникновении Империи могут вырастать из союза государств (СССР), а при угасании становиться вновь таковым (СНГ) и даже просто рассыпаться на группу соседних национальных государств (Арабский мир).

В-третьих, по внутренней динамике Империи могут быть классифицированы так:

1. «Сосредоточивающаяся», набирающая свой внутренний потенциал Империя, воздерживающаяся от заявления своих особых прав на мировой арене (Китай, Европейский союз).

2. Деятельная (раскрывшаяся), активно предлагающая миру свои стандарты жизни и социальные модели, энергично отстаивающая свое жизненное пространство (США, Индия, Иран, Япония).

3. «Обороняющаяся», растратившая свой внутренний ресурс, а порой и социально-культурную привлекательность, но предпринимающая усилия по своему самосохранению (прежде всего Россия, а также Германия, Франция).

4. «Дремлющая» (скрытая) – то есть Империя потенциальная, способная сосредоточиться и раскрыться, но не вступившая в эту фазу. Она имеет многие элементы особой цивилизации, но не реализует их потенциал в государственной форме Империи. Наиболее характерный пример – Арабская цивилизация. Скрытая Империя может перейти из «рассыпанной» стадии в стадию Империи формирующейся, а может и окончательно рассыпаться на национальные государства либо стать национальным государством.

Выше мы договорились, какие признаки империй считать наиболее существенными, а какие – вторичными. Поэтому не будем подвергать критике данную классификацию, оставляя читателю право совершить этот акт при желании. Зачастую в качестве основных выделяется целый ряд признаков, имеющих достаточно опосредованное значение для функционирования имперского организма. В частности, завоевательный характер образования. И практически не уделяется места исследованиям структуры и системы управления империями, а если и уделяется, то незначительным объёмом и в рамках государственного управления вообще. Как если бы никакой специфики не было бы и в помине. С.А. Бабурин в своём фундаментальном исследовании «Мир империй: территория государства и мировой порядок» преодолевает эту одиозную тенденцию, акцентируя внимание на структурные, а не на формальные свойства. Показательно, что три наиболее важных элемента организации, позволяющие регенерировать во времени имперскому социальному организму, составляют в его глазах имперскую идею, имперскую бюрократию и защиту границ. Идеология, управление и оборона.

Мы имеем дело с продуктивным развитием империологической концепции, пусть и оформленной в рамках государственной теории вообще. Развитие сказанного состоит в степени исторического приближения. Если за временную единицу взять жизненный цикл (функционирование) отдельно взятой империи, то, несомненно, концепция С.А. Бабурина будет более последовательна в изучении этой макросоциальной организации. А акценты в правовой и управленческий контекст послужат лучшей когнитивной базой. Если же в качестве временной единицы взять цивилизационное измерение, то большую значимость

приобретут циклы расширения и сжатия физического тела империи, в том числе и как результат управленческой деятельности.

А. Владимиров, генерал-майор, вице-президент Коллегии военных экспертов России употребляет в качестве базового определения понятие «великая держава», что логично для представителя военного сословия.

«Эффективность великой державы (империи) и ее государственной (имперской) власти, во многом определяется:

1) превосходящей организацией и очевидной государственной дееспособностью;
2) эффективностью государственного управления;
3) наличием цели государственного (имперского) бытия;
4) способностью быстро мобилизовать огромные экономические, технологические и информационные ресурсы в военных целях и для реализации больших гражданских проектов;
5) притягательностью культурных ценностей и общепризнанным образовательным и культурным, духовным превосходством;
6) способностью эффективно поддерживать внутреннюю жизнеспособность и единство;
7) способностью системы поддерживать себя самой (в том числе и за счет собственных ресурсов), без принесения больших социальных жертв;
8) эффективностью собственной экономики и ее мировой конкурентоспособностью;
9) специально воспитанной готовностью сателлитов (соседей, союзных республик, частей федерации и так далее) признавать превосходство метрополии и желание их элит относить себя к имперскому истеблишменту;
10) гибким характером сильной центральной власти, предоставляющим им такие возможности и обеспечивающей доминирование политической культуры метрополии;
11) государственным обеспечением высокого статуса гражданина державы;
12) способностью и готовностью к эффективной и быстрой демонстрации флага, проецированию или применению силы;
13) контролем над достигнутым пространством и т. д.

Все это должно скрепляться и оправдываться чувством “особой миссии” державы (или титульной нации), основанной на имперской “цивилизаторской идее” и стремлении национальной политической элиты к величию, трактуемого в целом, как “расширение (упрочение) влияния империи» [16].

Ряд авторов предлагает оценочно-нейтральные концепты распада империй. Исследуемый нами феномен рассматривается ими как анахронизм, который, тем не менее, имеет “великое” и отнюдь не только негативное прошлое. Такую позицию озвучивали в 1996 г. Л.С. Гатагова и И.Г. Яковенко; последний – в статье с характерным названием «От империи к национальному государству» [17; 18]. Суть данного подхода можно проиллюстрировать словами ещё одного отечественного исследователя Д.Фурмана: «Империи – отнюдь не только нечто плохое, и соответственно, распад империй – это не только хорошее» [19, с. 50]. Обозначенная позиция вызывает, конечно, большое уважение, перекликаясь по форме своего нейтрального позиционирования с «социологом-наблюдателем» А.Ф.Филиппова, но когда речь заходит о политическом организме, в который инкорпорирован сам исследователь, олицетворяет ещё и гражданскую позицию.

Итак, постсоветская дискуссия относительно имперской проблематики состоит из ряда этапов. В течение первого десятилетия рассматривались вопрос о распаде империй вообще, за которым скрывался ангажированный контекст распада Советского Союза и вопрос о соответствии СССР критериям «империи». В последующие годы эти темы постепенно сходили на нет и актуализировалась дискуссия о вариативности понятия «империя» и возможности возрождения империи, за которым кроется так же ангажированный контекст возрождения российской державы.

Литература

1. Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1.
2. Филиппов А.Ф. Тотальная мобилизация имперской элиты // Агентство политических новостей АПН http://www.apn.ru/
3. Филиппов А.Ф. Империя живет, пока есть представление об имперской миссии // 2005. Политический журнал. № 24. 7 июля / http://www.politjournal.ru/
4. Дроговоз И.Г. Танковый меч страны Советов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2003.
5. Кнабе Г.С. Закат империй. Семинар // Восток. 1991. № 4.
6. Каспэ С.И. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика – М.: РОССПЭН, 2001.
7. Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2008.
8. Фельдман Д.М. Россия и Восточная Европа: от «холодной войны» к новому мировому порядку // Революция 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: Взгляд через десятилетие. М., 2001.
9. Уткин А. И. Американская империя. – М.: ЭКСМО, 2003.
10. Переслегин С.Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: основные понятия геополитики // Классика геополитики, XIX век: Сб. М., 2003.
11. Дугин А.Г. Четвёртая политическая теория. // Портал «Центр консервативных технологий» http://konservatizm.org/
12. Дугин А.Г. Радикальный субъект и его дубль. – М.: «Евразийское движение», 2009.
13. Бабурин С.А. Империя как состояние государства // Национальные интересы. 2009. № 1.
14. Бабурин С.А. Мир империй: территория государства и мировой порядок. – М.: Магистр Инфра-М. 2010
15. Бабурин С.Н. Динамика Империй // Государство. 2005. № 5.
16. Владимиров А.И. Этюд девятнадцатый. Россия как новая Империя // Официальный сайт http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/vlad_in.htm
17. Гатагова Л.С. Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.
18. Яковенко И.Г. От империи к национальному государству. (Попытка концептуализации процесса) // Полис. 1996. № 6.
19. Фурман Д.Е. О будущем “постсоветского пространства” // Свободная мысль. 1996. № 6.

УДК 352.07

Шустов В.Г.

Эффективность местного самоуправления – основная задача политической реформы в Российской Федерации

Статья посвящена основной задаче политической реформы – созданию эффективного местного самоуправления. Выделены основные критерии эффективности. Проведён политико-правовой анализ законодательства по новому институту оценки эффективности деятельности органов публичной власти и предложен механизм его совершенствования.

Ключевые слова: муниципальная реформа, местное самоуправление, эффективность, критерии эффективности, легитимность.